

EDN: PNZYYJ

УДК 141.412+172.1

## Испанский «неокатолицизм» XIX века как феномен «периферийного консерватизма»

Василенко Юрий Владимирович<sup>1</sup>, Внутских Александр Юрьевич<sup>2</sup>

<sup>1</sup>кандидат философских наук, доцент кафедры гуманитарных дисциплин,  
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики-Пермь».  
Россия, г. Пермь. ORCID: 0000-0001-7865-6497. E-mail: yuvasilenko@hse.ru

<sup>2</sup>доктор философских наук, заведующий кафедрой «Философия и право», Пермский национальный  
исследовательский политехнический университет. Россия, г. Пермь. ORCID: 0000-0003-4162-1033.  
E-mail: ayuvnutskih@pstu.ru

**Аннотация.** Статья посвящена одному из ключевых сюжетов в развитии социально-политической философии испанского консерватизма во второй половины XIX в. Ее актуальность обуславливается тем обстоятельством, что между испанским и российским консерватизмом можно провести значимые параллели, связанные с первичностью традиционалистского ядра (религиозно-монархической составляющей) и «догоняющей» моделью развития индустриального общества. В частности, в статье анализируется логика консервативной – и уже: традиционалистской – негативной реакции на критику «инноваторов» в адрес испанской науки Нового времени и значимости ее вклада в мировую науку (естествознание и гуманитаристику). Главным оппонентом «инноваторов» выступает выдающийся испанский «неокатолик» М. Менендес-и-Пелайо, который в своем трехтомном труде «Испанская наука» поставил опровергнуть критику «инноваторов» и доказать величие испанской науки, благодаря чему внес вклад в создание новых представлений об испанском научном каноне. Выявляется философская специфика «неокатолицизма», в рамках которого состоялся диалектический синтез католической Традиции и либерально-буржуазной Инновации, воспринимаемый в XX в. испанскими консерваторами уже как норма, и его вклад в становление испанского консерватизма как «периферийного». На основе представленного материала выявляются существенные черты и закономерности в развитии испанского консерватизма как «периферийного»: так, его «периферийность» начинает проявляться во времена эпохи Просвещения, связана с подражанием классическим образцам (британо-французским) и постепенно – по мере увеличения социально-экономического отставания от мировых центров – приводит к экзальтации местного национализма, который дискредитирует себя в условиях военных диктатур, стремящихся данное отставание преодолеть.

**Ключевые слова:** периферийный консерватизм, консервативная реакция, инновация, традиционализм, «неокатолицизм», испанский национализм, наука, Менендес-и-Пелайо.

**Введение.** Со времени Великой французской революции одной из основополагающих черт консерватизма как способа мышления и социально-политического действия считается его реакционность, или, как назвал это явление современный американский политолог К. Робин, «реакционный императив» [8, с. 31]. Как пишет российский историк политической философии А. В. Павлов, «единственной платформой, благодаря которой правые могли бы объединиться, может быть то, что Рассел Кирк описал в терминах “консервативного мышления”, а Кори Робин как “реакционный дух”» [7, с. 21]. При этом, помимо множества негативных коннотаций [6, с. 15, 26], реакционность является слишком широким понятием, использование которого порождает «спорные зоны» [7, с. 9]; именно поэтому более релевантно узкое понимание консерватизма как оборонительной, или защитной, реакции, которую С. Хантингтон определяет как «артикулированное, систематическое, теоретическое сопротивление изменению» [21, р. 461]. Но и такое определение является слишком широким и абстрактным, поскольку консерваторы негативно реагируют не на любые изменения, а только на те, которые принимают в их глазах наиболее угрожающие для «старого порядка» формы – Инновации. В своей картине мира консерваторы защищают определенный набор ценностей, но защищают его по-разному. В зависимости от степени, или инновационности, провокации мы можем наблюдать целый спектр оборонительных реакций, связанный с классическими типологиями консерватизма: умеренная инновация порождает умеренную реакцию (либеральные консерваторы, левый фланг консерватизма), обуславливающую стремление к консенсусу с политическими оппонентами; радикальная – радикальную (праворадикальные консерваторы, правый фланг консерватизма), обуславливающую непримиримость борьбы. При этом любая обо-

ронительная реакция всегда опирается на определенную Традицию, на страже которой стоят традиционалисты, размещающиеся в центре консервативного спектра и являющиеся, следовательно, его идейно-ценностным ядром [2; 18, pp. 13–16; 19, pp. 99–142].

На наш взгляд, единство и борьба Традиции и Инновации – непреходящее явление в общественной жизни и очень важный признак функционирования в науке сквозной общенаучной темы *дополнительности*. И если применительно к далекому от нашей тематики естествознанию тему дополнительной разрабатывал немецко-американский физик и историк науки Дж. Холтон [10, с. 196–204], то в консерватизме эта тема давно является общим местом [9] как минимум со времен французских либеральных доктринеров первой трети XIX в. Ф. П. Г. Гизо и А. де Токвиля [6]. Отсюда и важность консерватизма как социальной философии, отражающей роль Традиции; благодаря же Э. Бёрку [23] эта философия превращается в политическую идеологию, без которой невозможно представить ни всемирную историю последних двухсот пятидесяти лет, ни любую попытку прогнозирования социального развития на ближайшие десятилетия в том числе и российского общества, вставшего в начале XXI в. на путь отстаивания традиционных ценностей [1].

Цель нашего исследования – определить вклад испанского «неокатолицизма», в рамках которого состоялся глубокий синтез Традиции и Инновации, в становление испанского консерватизма как «периферийного». Отсюда предметом нашего исследования являются существенные черты и закономерности развития испанского консерватизма как «периферийного». Выбор испанского кейса обусловлен тем обстоятельством, что между испанским и российским консерватизмом можно провести значимые параллели. Во-первых, они связаны со схожими историческими предпосылками – *первичностью традиционалистского ядра* (религиозно-монархической составляющей) в структуре консервативной идеологии Испании и России как «периферийной», в то время как в англосаксонском мире (Великобритании и США) и с определенными оговорками во Франции классический консервативный «мейнстрим» изначально носил либерально-буржуазный характер. Во-вторых, в Испании и России имела место «догоняющая» модель развития индустриального общества, проявления которой впервые становятся предметом осмысления консерваторов еще в XIX в.; это заставляет нас говорить о специфической модели «периферийного консерватизма» (по аналогии с понятием «периферийный капитализм», предложенным впервые аргентинским экономистом Р. Пребишем в конце 1970-х гг. [32]), выступающей в качестве объекта нашего исследования.

**Истоки испанского «неокатолицизма».** Как писал Хантингтон, консервативные идеологии, «если они намерены быть прирожденными консерваторами, [должны принять] новый порядок как неизбежное провидение судьбы» [21, р. 460]. В итоге они вынуждены решать сразу две задачи: обычную для консерватизма в целом – бороться с инновациями; и предельно необычную для себя – «изобретать» новую Традицию, которая, с одной стороны, не может не быть Традицией, а с другой – в силу своей новизны – сама является Инновацией. Данный феномен был описан еще Г. В. Ф. Гегелем в 1820-х гг.: «Традиция не есть неподвижная статуя: она – живая и растет подобно могучему потоку, который тем больше расширяется, чем дальше он отходит от своего истока» [3, с. 10].

Однако в случае с «периферийным консерватизмом» ситуация усложняется тем, что противоречия между Традицией и Инновацией могут показаться непримиримыми. В Испании середины XIX в. этот процесс развивался по двум линиям: первая – в рамках либерально-консервативной политической философии партии «модерадос» («умеренных либералов»), которая в течение всего XIX в. делала упор на постепенную адаптацию к инновациям; вторая – в рамках традиционалистского лагеря, представители которого вопреки утверждающейся реальности были не только сфокусированы на сохранении средневековой традиции, трактуемой в целом как христианская или – более аутентично – католическая, но и были готовы защищать ее с оружием в руках (карлисты). На пересечении этих двух линий во второй половине XIX в. появляется новое общественно-политическое течение, которое – не без влияния французского либерального католицизма, также возникшего в процессе адаптации католической философии к условиям либерально-буржуазного общества, – было названо «неокатолицизмом» [35]. При этом сами представители «неокатолицизма», привыкшие мыслить себя католическими традиционалистами, смысла в приставке «нео-» не видели, считая ее просто «модным словечком» [30, р. 28], и очень опасались скатиться в либеральный консерватизм «модерадос», выступавший за неприемлемые, по их мнению, уступки Новому – либерально-буржуазному – порядку. Вместе с тем, признавая Новый порядок как свершившийся факт, они объективно оказывались «неокатоликами», как в конечном итоге и вошли в историю Испании.

В этом контексте показательна фраза испанского писателя и философа Г. Лаверде Руиса (1835–1890), который, анализируя в 1868 г. (год начала в Испании очередной либерально-буржуазной революции, которая через несколько лет приведет к свержению монархии и I Республике) современный для него традиционализм, писал следующее: «...Не следует делать вывод, что традиционализм в Испании уже закончился; у него есть отважные сторонники, хотя и немногочисленные, которым... придется вести не одну битву с теми, кто активен в противоположных лагерях, внутри или за пределами католицизма. В настоящее время они подают мало признаков жизни; они почти неподвижны; влияние схоластических течений тормозит их; однако французское влияние, расширение исследований, распространение рационализма, движение и столкновение идей, совпадение событий, моральная трансформация в целом, которую переживает Испания, рано или поздно заставят их выйти на философскую арену и открыто вывесить свой флаг» [24, р. 487]. Тем самым Лаверде Руис, становясь идеологом «неокатолицизма», прогнозирует, что испанский традиционализм, который исчерпал себя в борьбе с Новым порядком в первой половине XIX в., в будущем переродится под воздействием «французского влияния» и вновь вступит в борьбу с ним. Одновременно непреходящая значимость «французского влияния» превращает испанский консерватизм в «периферийный».

Примечательно, что к середине XX в. испанские традиционалисты, воспринимавшие «неокатолицизм» как уже устоявшуюся Традицию, совершенно избавились от двусмысленной для них приставки «нео-», хотя и являлись прямыми наследниками «неокатоликов». Так, представители «Наварской школы» во главе с историком из «Opus Dei» Ф. Суаресом Вердегером (1917–2005) ставили себе, помимо прочего, задачу доказать, что, например, два «великих маэстро традиционного мышления» [20, р. 263] капуцин Р. де Велес и доминиканец Ф. де Альварардо, которые в условиях Войны за независимость против Наполеона (1808–1814) отстаивали крайние формы католицизма, национализма и абсолютизма, за что и были прозваны в историографии XXI в. «ультраконсерваторами» [11, pp. 369–370, 372–375; 4, pp. 73–74, 76–77], вполне могут быть определены как «реновадорес», или «умеренные обновленцы» [34, pp. 41–43]. Но позволило ли это испанскому консерватизму как «периферийному» превратиться в классический – вопрос открытый.

Отсюда и историческое значение «неокатолицизма» для развития испанского консерватизма в целом: первоначально «неокатолики» преодолели социально-политическую неадекватность средневекового традиционализма (середина XIX в.), затем создали новую Традицию (вторая половина XIX в.) и затем уже утвердили ее как «вечную» (первая половина XX в.), не просто купировав свое вынужденное обращение в «нео», но и легализовав его как неоспоримую норму. Благодаря такому многосоставному характеру мы сейчас довольно легко можем обнаруживать в «неокатолицизме» следы как средневекового традиционализма (например, позитивное восприятие Инквизиции [30, pp. 73, 76, 78, 80–81, 98, 153, 155, 166–167, 178, 195, 198–199]), так и современного (открытость к диалогу с политическими оппонентами без угроз и насилия). Оказавшись на переломе двух эпох, «неокатолицизм» становится одним из наиболее сложных и противоречивых этапов в истории испанского консерватизма.

**«Изобретение» Традиции.** Одним из наиболее ярких представителей испанского «неокатолицизма» является дон Марселино Менендес-и-Пелайо (1856–1912), которого в контексте нашего исследования можно назвать «изобретателем» данной Традиции. Масштаб данной личности определяется как разнообразием его занятий, так и степенью признания его заслуг. В 1898 г. поэт, переводчик с древних языков, философ, историограф и писатель, Менендес-и-Пелайо на пике своей карьеры становится директором Национальной библиотеки Испании. С 1903 по 1910 г. он пять раз номинировался на Нобелевскую премию по литературе. При этом оценки Менендеса-и-Пелайо в испанской историографии существенно различаются, что доказывает глубину и многогранность наследия этого мыслителя. Так, в первой половине XX в. испанская писательница и художница Б. де лос Риос назвала его «разработчиком национального сознания» [14]; иезуит М. Каскон – «проводником нашего славного возрождения» [12]; а философ Г. Мараньон-и-Посадилю – «предшественником постлиберального менталитета, в определенном смысле неолиберального» [15].

Именно Менендес-и-Пелайо утвердил изменения в статусе философии (а на тот момент в Испании под философией подразумевалась в первую очередь философия Просвещения) в испанском традиционалистском мышлении. До него в Испании философия рассматривалась как прямая противоположность теологии и ассоциировалась с протестантизмом как «ложной

религией» [16, pp. 50–53] и революционно-либеральными инновациями; поэтому иначе как «ложной философией» в среде испанских традиционалистов она и не называлась [13]. Однако благодаря Менендесу-и-Пелайо нерелигиозная философия вошла в состав той Традиции, которая, во-первых, продолжала мыслиться как католическая (религиозный аспект), но уже не сводилась к теологии; и, во-вторых, приобретала качество Традиции национальной. При этом философия была положена им в основу не только гуманитарных наук, которыми Менендес-и-Пелайо занимался непосредственно, но и наук социальных и естественных.

Обращение к естествознанию было обусловлено тем, что испанская философия в XVII–XVIII вв. не прошла ту «школу материализма», которую прошли благодаря своим выдающимся просветителям Великобритания и Франция. В 1764 г. И. Кант по этому поводу замечает: «В Испании мало заметна расположенность к изящным искусствам и наукам» [4, с. 170]. На тот момент испанское естествознание воспринималось европейцами как по преимуществу вторичное и маргинальное, или «периферийное»; той же позиции придерживались и испанские «инноваторы», против которых в первую очередь и выступил Менендес-и-Пелайо.

Испанские традиционалисты, занявшиеся апологетикой своей национальной науки, взялись доказать, что именно испанцы были предшественниками, если не подлинными создателями, всего европейского Просвещения. По крайней мере, без их участия британская, французская и германская науки – и естествознание, и собственно философия – были бы принципиально иными.

Классическим текстом Менендеса-и-Пелайо, в котором он излагает свои идеи по данному вопросу, является сборник его писем и выступлений под общим названием «Испанская наука (полемика, проекты и библиография)», первое однотомное издание которого вышло в 1876 г. под названием «Полемика, примечания и проекты по испанской науке». Постепенно к сборнику писем Менендеса-и-Пелайо были добавлены размышления его единомышленников по «неокатолицизму»; письма и статьи его друзей-адресатов; а также статьи тех, с кем «неокатолики» спорили. В результате появляются три развернутых тома дискуссий по вопросу о том, что такое испанская наука, каков ее вклад в развитие науки вообще и каково ее место в мире. Основной же нерв дискуссии был связан с проблемами общей отсталости – «периферийности» – Испании от Европы; отсюда и постоянное сравнение испанской науки как «периферийной» с европейской как классической (прежде всего британской, французской и германской).

На протяжении всего первого тома Менендес-и-Пелайо ведет дискуссию с испанскими «инноваторами», главные из которых – философ и юрист Гумерсиндо де Аскарате (1840–1917) [25] и литературный критик Мануэль де ла Ревилья-и-Морено (1846–1881) [27]. В идеологическом плане оба они были демократами и республиканцами, в философском – сторонниками так называемого «крауизма», довольно специфического философского направления, названного по имени второпланового – на фоне титанов немецкой классической философии – философа-идеалиста Карла Христиана Фридриха Краузе (1781–1832), очень популярного в Испании после революции 1868–1874 гг. именно в среде республиканцев [29]. Основные философские идеи крауизма сводились к промежуточной позиции между теизмом и пантеизмом, что для католиков звучало как ересь, однако для республиканцев первоначально было компромиссом между традиционной религиозностью и потенциальным атеизмом, а затем и вовсе стало символом светскости. В политическом же плане крауисты выступали против католического и любого другого догматизма и всячески поддерживали академическую толерантность и свободы, за что также преследовались католиками-традиционалистами. В историю Испании крауисты вошли благодаря юристу и педагогу-новатору Хулиану Сансу дель Рио (1814–1869) и его главному детищу – «Свободному институту образования» (“Institución Libre de Enseñanza”), который в 1876–1917 гг. стал подлинной кузницей «инноваторов» и, оказывая непосредственное влияние на политический процесс, всячески содействовал становлению всех форм либерализма и демократии [22].

С нашей точки зрения, наибольшее внимание в «Испанской науке» стоит обратить не на многостраничные перечисления выдающихся испанских ученых, внесших свой вклад в развитие общеевропейской науки, а на трех главных философов, поднимаемых Менендесом-и-Пелайо на щит особо: Раймунда Луллия (1235–1315), Хуана Луиса Вивеса (1492–1540) и Франсиско Суареса (1548–1617) [30, p. 265, 349, 358], поскольку именно они создали «великую триаду ортодоксальных систем полуострова» [30, p. 194].

Выбор этих трех философов обуславливался не только тем, что они «представляют... всю нашу [испанскую. – Ю. В., А. В.] философию в целом» [30, р. 196], но и тем, что проходят по жестким критериям, выдвинутым Ревильей для испанских ученых, претендующих на статус всемирно значимых, а именно: влияние в мире вообще и наличие собственной школы и традиции в Испании и за ее пределами в частности [30, pp. 179, 265, 331–332]. По мнению Ревильи, в Испании таких величин, которые могли бы встать в один ряд с Декартом, Лейбницем и Ньютоном, просто не существовало; Менендес-и-Пелайо, соответственно, берется этот тезис оспорить.

Выводя испанскую национальную Традицию из древнего мира вообще [30, pp. 41–46], Менендес-и-Пелайо включает в нее представителей всех последующих исторических этапов вне зависимости от их реальной или мнимой этничности. В результате все написанное римлянами и готами на латыни, арабами по-арабски и евреями на иврите, если они родились на территории современной Испании (например, римлянин Л. А. Сенека, полуримлянин-полувестгот Исидор Севильский, араб Аверроэс и еврей Маймонид), объявляется составной частью испанского культурно-исторического наследия. Одновременно такой подход позволяет включать в состав испанской Традиции даже тех авторов, которые жили за пределами Испании и писали не на испанском языке, если их испанское происхождение не вызывает сомнений (особенно начиная с позднего Средневековья).

Так, если говорить о рецепции наследия Раймунда Луллия, то Менендес-и-Пелайо превозносит его вклад в развитие логики, который считает вторым после аристотелевского и предшествующим гегелевскому. В этом аспекте он приобретает множество последователей (всего называется девятнадцать имен) [30, р. 333–334]. Оценил Менендес-и-Пелайо Луллия и как традиционалиста-богослова, заявляя, что его богословский «синтез превосходит синтез самого Фомы Аквинского [30, р. 181]. В качестве аргумента в пользу общеевропейского значения идей Луллия приводится то обстоятельство, что первое собрание сочинений Луллия было выпущено в Майнце [30, pp. 335–336], а системно изучать его начали не испанцы, а французы [30, pp. 217–218].

Валенсийский гуманист, друг Э. Роттердамского и Т. Мора, Хуан Луис Вивес, по мнению Менендеса-и-Пелайо, закладывает «основы бэконизма, шотландского психологизма и даже картезианства» [30, pp. 32–33]. И если Бэкон – это просто «самый прозаический из учеников Вивеса» [30, р. 181], то в отношении Декарта Менендес-и-Пелайо особенно «агрессивен», причисляя к его непосредственным предшественникам более десяти испанских философов, у которых он мог бы почерпнуть свои основные идеи [30, pp. 34–35, 69, 74]. Менендес-и-Пелайо ссылается на книги французского историка философии Э. Э. Сессе «Предшественники и ученики Декарта» [33] и немецкого экономиста Ф. А. Ланге «История материализма» [5, р. 152], у которого Вивес оказался не только в одном ряду с Л. да Винчи и Г. Галилеем [5, р. 158], но и предшественником П. Гассенди [5, р. 172]. И все это несмотря на то, что Вивес, например, не является сенсуалистом [31, р. 71], что сразу же противопоставляет его английским материалистам XVII в. Однако это не мешает Менендесу-и-Пелайо считать Вивеса самым значительным философом до Канта [30, pp. 39–41] и основоположником испанской «национальной философии» [30, р. 40]. И если имя Вивеса не стоит в одном ряду с «Декартом, Кантом и Гегелем», то это лишь «великая историческая несправедливость», которая со временем будет несомненно исправлена [30, pp. 343–348].

При этом фигура Вивеса является гораздо более неоднозначной, нежели пытается показать Менендес-и-Пелайо. Вивес получает образование в Парижском университете и большую часть жизни проживает за пределами Испании (в Англии и Франции), внося значительный вклад в развитие светского образования и так называемой «прогрессивной педагогики» (исключая, в частности, из учебных программ теологию и заменяя ее естествознанием, математикой и историей). В итоге в учении Вивеса можно найти множество «неортодоксальных», с точки зрения испанских традиционалистов, моментов, о которых Менендес-и-Пелайо старается умалчивать. Однако именно Вивес позволяет ему избавиться от обвинений в католическом ригоризме, существенно расширить рамки «изобретаемой» им католической Традиции и оправдать тем самым столь нелюбимую им приставку «нео-».

Наконец, иезуит Франсиско Суарес, носящий почетный титул «Превосходного доктора» (“Doctor Eximius”), – самый знаменитый за пределами Испании схоласт из всех, упоминаемых Менендесом-и-Пелайо, поэтому он и не нуждается в особом представлении. Решая сугубо идеологические задачи, Менендес-и-Пелайо не столько занимается апологетикой Суареса,

сколько приводит цитаты о нем из «признанных» неиспанских философов. Так, Г. Гроций называет Суареса «наиболее проникновенным среди философов и теологов» [30, р. 186]; Г. В. Лейбница, который относился к схоластике в целом скептически, – «наиболее глубоким схоластиком» [30, р. 187]. Ревилья же, называя Суареса всего лишь «одаренным учеником схоластов» [30, р. 336], вызывает возмущение Менендеса-и-Пелайо: «Суарес – не ученик, Суарес – учитель, который насчитывает сотни последователей» [30, р. 336], в том числе и среди протестантов и либералов. То, что это ставило уже испанских католиков и традиционалистов в двусмысленное положение, Менендесом-и-Пелайо игнорируется. Игнорируется им и то обстоятельство, что Суарес скорее закрывает собой эпоху позднего Возрождения, нежели открывает собой философию Нового времени, на что справедливо обращают внимание Ревилья и другие «инноваторы».

**Закключение.** Таким образом, реакционный характер политического – и шире: общенаучного – мышления Менендеса-и-Пелайо как одного из интеллектуальных столпов испанского традиционализма второй половины XIX в. становится очевидным. Находясь в типичной для консерваторов оборонительной позиции, он выстраивает новые «редуты» вокруг «испанской науки», борясь с ниспровержением ее авторитета. Однако, ревностно доказывая вклад испанских ученых и философов в мировую науку, Менендес-и-Пелайо опускает как минимум одно важное обстоятельство: все они жили и работали во времена, когда Испания была «сверхдержавой»: на подъеме в позднее Средневековье (Луллий) и эпоху Возрождения (Вивес), на пике в эпоху Великих географических открытий (все испанское естествознание) и на излете в раннее Новое время (Суарес). Но уже к XVII в. «испанская наука» при всех своих достижениях оказывается «периферийной», уступая прежде всего британской, французской и даже германской. И в этом смысле трудно возразить оппонентам Менендеса-и-Пелайо, говорящим о «нищете» испанской науки и философии применительно к эпохе Просвещения XVII–XVIII вв. Соответственно, и испанский традиционализм, культивирующий национальные достижения в целом, становится «периферийным».

Основной посыл в интерпретации «испанской науки» и лежащей в ее основе католической философии у Менендеса-и-Пелайо таков: они не сводятся исключительно к средневековой схоластике, которая, с точки зрения «инноваторов», первоначально выступила против Возрождения, а в XVI в. закономерно перетекла в еще более реакционную Контрреформацию, что в дальнейшем не позволило им выйти на «оперативный простор» в эпоху Просвещения, когда они и становятся «периферийными». Менендес-и-Пелайо упорно ищет любых «испанцев», в том числе и за пределами Испании, которые позволили бы ему показать, что вклад Испании не только в эпоху Возрождения и Реформации XVI в., но и в Просвещение XVII–XVIII вв. не менее значим, чем вклад других европейских стран. Отсюда и его апелляция к «испанским инакомыслящим» (вроде Х. Вивеса) [29], которых он вопреки «старой» – средневековой католической – Традиции упорно включает в Традицию, превращающуюся благодаря этому в «новую», которая существует уже в наши дни как консервативная. По существу, Менендес-и-Пелайо прошел по пути, описанному Гегелем следующим образом: «Мы постигаем уже существующую науку, усваиваем ее, приспособляемся к ней, и тем самым мы ее развиваем дальше и поднимаем ее на более высокий уровень; усваивая ее себе, мы делаем из нее нечто свое в противоположность тому, чем она была раньше» [3, с. 12].

Существенной чертой «периферийного консерватизма» является его подражание классическим образцам (британскому и французскому), артикулированное стремление встать с ними на один уровень. Однако испанский «неокатолицизм», синтезирующий Традицию и Инновацию в конечном счете по лекалам французских «либеральных доктринеров», имел исторический шанс преодолеть свою «периферийность» только в том случае, если бы Испания смогла вырваться из пут «периферийного капитализма», чего, как известно, не произошло. В результате апологетика всего испанского, не только науки, ложится в основу того воинствующего испанского национализма, который, пройдя через интеллектуальные построения традиционалиста Р. де Маэсту (католическая «Идея Испанидад») [28] и социально-политическое действие кардинала И. Гома-и-Томаса (антикоминтерновский «Крестовый поход» во время Гражданской войны 1936–1939 гг.) [17], окончательно дискредитирует себя при генерале Ф. Франко и его «национал-католицизме». В этом смысле совсем не случайно, что «периферийный капитализм» и католическая «Идея Испанидад» имеют общее – аргентинское – происхождение. Отсюда и противоречивый характер фигуры Менендеса-и-Пелайо в современном испанском консерватизме: философские идеи выдающегося ученого были использованы в политической борьбе для обоснования насильственных действий военных диктаторов и в Ис-

паний, и в ее бывших латиноамериканских колониях, в то время как их «периферийность» преодолена не была.

### Список литературы

1. Александр Дугин: Присягаем традиции. URL: <https://vrns.ru/forumy/aleksandr-dugin-prisyagaem-traditsii/> (дата обращения: 23.02.2025).
2. Галкин А. А., Рахмимир П. Ю. Консерватизм в прошлом и настоящем. О социальных корнях консервативной волны. М. : Наука, 1987. 188 с.
3. Гегель Г. В. Ф. Лекции по истории философии. Книга первая // Гегель Г. В. Ф. Сочинения. М. : Партийное издательство, 1932. Т. IX. 340 с.
4. Кант И. Наблюдения над чувством прекрасного и возвышенного // Кант И. Сочинения : в шести томах. М. : Мысль, 1964. Т. 2. С. 125–183.
5. Ланге Ф. А. История материализма и критика его значения в настоящее время. СПб. : Издание Л. Ф. Пантелеева, 1881. Т. 1. История материализма до Канта. 386 с.
6. Матвеев С. Р. Философские истоки французского либерального консерватизма (Ф. Гизо, А. То-квиль) : автореф. дис. ... канд. филос. наук. М., 2014.
7. Павлов А. В. Робин Кори и американский консерватизм // Робин К. Реакционный дух. Консерватизм от Эдмунда Бёрка до Сары Пэйлин. М. : Институт Гайдара, 2013. С. 7–26.
8. Робин К. Реакционный дух. Консерватизм от Эдмунда Бёрка до Сары Пэйлин. М. : Институт Гайдара, 2013. 312 с.
9. Семенов И. С. Традиция и инновация как концепты политической науки и ориентиры политики развития: диалектика совместимости // Полис. Политические исследования. 2023. № 5. С. 45–65. DOI: 10.17976/jpps/2023.05.04.
10. Холтон Дж. Тематический анализ науки. М. : Прогресс, 1981. 384 с.
11. Álvarez Junco J. Mater Dolorosa. La idea de España en el siglo XIX. Madrid : Grupo Santillana de Ediciones, 2001. 684 p.
12. Cascón M. Menéndez y Pelayo y la tradición y los destinos de España. URL: <https://www.filosofia.org/his/h1937cas.html> (дата обращения: 23.02.2025).
13. Cevallos y Mier F. de. La falsa filosofía, ó El ateísmo, deísmo, materialismo y demás nuevas Sectas convencidas del crimen de Estado contra a los Soberanos y sus regalías, contra los Magistrados y Potestades legítimas. Madrid : La imprenta de Antonio de Sancha, 1774–1776. VII vols.
14. De los Rios B. Menéndez y Pelayo, revelador de la conciencia nacional. URL: <https://filosofia.org/hem/193/acc/e13001.htm> (дата обращения: 23.02.2025).
15. Diz J. La discussion sobre Menéndez y Pelayo. URL: <https://www.filosofia.org/hem/dep/pce/ni01046.htm> (дата обращения: 23.02.2025).
16. Forner J. P. Reflexiones sobre el modo de escribir la historia de España. Madrid : Imprenta de Burgo, 1816. 108 p.
17. Gomá y Tomás I. Catolicismo y patriotismo. La Plata : Talleres Gráficos de Olivieri y Domínguez, 1940. 72 p.
18. González Cuevas P. C. Historia de las derechas españolas. De la Ilustración a nuestros días. Madrid : Biblioteca Nueva, 2000. 525 p.
19. González Cuevas P. C. Las tradiciones ideológicas de la extrema derecha española // Hispania. 2001. № 207(LXI/1). Pp. 99–142.
20. Herrero J. Los orígenes del pensamiento reaccionario español. Madrid : Cuadernos para el Diálogo, 1973. 410 p.
21. Huntington S. P. Conservatism as an Ideology // The American Political Science Review. 1957. Vol. 51, № 2. Pp. 454–473.
22. Jiménez-Landi Martínez A. La Institución libre de enseñanza y su ambiente. Madrid : Universidad Complutense, Ministerio de Educación y Cultura ; Barcelona : Universidad de Barcelona ; Ciudad Real : Universidad de Castilla-La Mancha, 1996. 4 vols.
23. Kirk R. Edmund Burke: A Genius Reconsidered. New Rochelle, N. Y. : Arlington House, 1967. 255 p.
24. Laverde Ruiz G. El Tradicionalismo en España durante el siglo XVIII // Menéndez y Pelayo M. La ciencia española (polémicas, proyectos y bibliografía). Madrid : Tipografía de Archivos, Bibliotecas y Museos, 1915. Vol. III. Pp. 481–506.
25. León Correa F. J. Ideología krausista y política: Gumersindo de Azcárate y el republicanismo leonés durante la Restauración canovista (1875–1898) // Tierras de León. 1988. Vol. 28(72). Pp. 40–55.
26. López-Morillas J. El krausismo español: perfil de una aventura intelectual. Madrid : Fondo de Cultura Económica, 1980. 214 p.
27. Manuel de la Revilla. La filosofía española, 1876. URL: <https://www.filosofia.org/hem/dep/rco/0050111.htm> (дата обращения: 23.02.2025).
28. Maeztu R. de. Defensa de la Hispanidad. Madrid : Gráfica Universal, 1934. 317 p.
29. Menéndez y Pelayo M. Historia de los heterodoxos españoles. Madrid : Imprenta de F. Maroto é Hijos, 1880–1881. 3 vols.

30. Menéndez y Pelayo M. La ciencia española (polémicas, proyectos y bibliografía). Madrid : Tipografía de Archivos, Bibliotecas y Museos, 1915. Vol. I. 421 p.
31. Menéndez y Pelayo M. La ciencia española (polémicas, proyectos y bibliografía). Buenos Aires : Emecé Editores, S. A., 1947. Vol. II. 364 p.
32. Prebisch R. Capitalismo periférico: crisis y transformación. México : Fondo de Cultura Económica, 1981. 344 p.
33. Saisset E. Précurseurs et disciples de Descartes. Paris : Librairie académique, 1862. 487 p.
34. Suárez Verdeguer F. Conservadores, innovadores y renovadores en las postrimerías del Antiguo Régimen // Anales de la Fundación Francisco Elías de Tejada. 2006. № 12. Pp. 29–45.
35. Urigüen B. Orígenes y evolución de la derecha española: el neo-catolicismo. Madrid : Centro de estudios históricos, C. S. I. C., 1986. 637 p.

## The Spanish "Neo-Catholicism" of the 19th Century as a Phenomenon of "Peripheral Conservatism"

Vasilenko Yuri Vladimirovich<sup>1</sup>, Vnutskikh Alexander Yuryevich<sup>2</sup>

<sup>1</sup>PhD in Philosophy, associate professor of the Department of Humanities, National Research University "Higher School of Economics-Perm". Russia, Perm. ORCID: 0000-0001-7865-6497. E-mail: yuvasilenko@hse.ru

<sup>2</sup>Doctor of Philosophy, Head of «Philosophy and Law» Department, Perm National Research Polytechnic University. Russia, Perm. ORCID: 0000-0003-4162-1033. E-mail: ayuvnutskih@pstu.ru

**Abstract.** The article is devoted to one of the key themes in the development of the socio-political philosophy of Spanish conservatism in the second half of the 19th century. Its relevance is determined by the fact that significant parallels can be drawn between Spanish and Russian conservatism, related to the primacy of the traditionalist core (the religious-monarchical component) and the "catch-up" model of the development of industrial society. In particular, the article analyzes the logic of the conservative – and, more narrowly, traditionalist – negative reaction to the criticism levelled by the "innovators" against early modern Spanish science and the significance of its contribution to world science (the natural sciences and the humanities). The main opponent of the "innovators" is the outstanding Spanish "neo-Catholic" M. Menéndez y Pelayo, who in his three-volume work Spanish Science sought to refute the criticism of the "innovators" and to prove the greatness of Spanish science, thereby contributing to the creation of new conceptions of the Spanish scientific canon. The article reveals the philosophical specificity of "neo-Catholicism", within whose framework there occurred a dialectical synthesis of Catholic Tradition and liberal-bourgeois Innovation that was already perceived as a norm by Spanish conservatives in the 20th century, as well as its contribution to the formation of Spanish conservatism as "peripheral". On the basis of the material presented, the essential features and patterns in the development of Spanish conservatism as "peripheral" are identified: thus, its "peripherality" begins to manifest itself during the Enlightenment, is associated with the imitation of classical (British and French) models and gradually – as the socio-economic lag behind the world centres increases – leads to the exaltation of a local nationalism that discredits itself under the conditions of the military dictatorships that sought to overcome this lag.

**Keywords:** peripheral conservatism, conservative reaction, innovation, traditionalism, "neo-Catholicism", Spanish nationalism, science, Menéndez y Pelayo.

### References

1. Aleksandr Dugin: *Prisyagaem tradicii* [Alexander Dugin: We Swear Allegiance to Tradition]. Available at: <https://vrns.ru/forumy/aleksandr-dugin-prisyagaem-traditsii/> (date accessed: 23.02.2025).
2. Galkin A. A., Rahshmir P. Yu. *Konservatizm v proshlom i nastoyashchem. O social'nyh kornyah konservativnoj volny* [Conservatism in the Past and Present. On the Social Roots of the Conservative Wave]. M., Nauka (Sciences), 1987. 188 p.
3. Gegel' G. V. F. *Lekcii po istorii filosofii. Kniga pervaya* [Lectures on the History of Philosophy. Book One] // Gegel' G. V. F. *Sochineniya* [Works]. M., Partijnoe izdatel'stvo (Party Publishing House), 1932. Vol. IX. 340 p.
4. Kant I. *Nablyudeniya nad chuvstvom prekrasnogo i vozvyshennogo* [Observations on the Feeling of the Beautiful and the Sublime] // Kant I. *Sochineniya v shesti tomah* [Works in Six Volumes]. M., Mysl' (Thought), 1964. Vol. 2. Pp. 125–183.
5. Lange F. A. *Istoriya materializma i kritika ego znacheniya v nastoyashchee vremya* [The History of Materialism and a Critique of Its Significance at the Present Time]. SPb., Izdanie L. F. Panteleeva, 1881. Vol. 1. *Istoriya materializma do Kanta* [The History of Materialism Before Kant]. 386 p.
6. Matveev S. R. *Filosofskie istoki francuzskogo liberal'nogo konservatizma (F. Gizo, A. Tokvil') : avtoref. dis. ... kand. filos. nauk* [The Philosophical Origins of French Liberal Conservatism (F. Guizot, A. Tocqueville) : abstract of the dis. ... PhD in Philosophy]. M., 2014.
7. Pavlov A. V. *Robin Kori i amerikanskij konservatizm* [Robin Corey and American Conservatism] // Robin K. *Reakcionnyj duh. Konservatizm ot Edmunda Berka do Sary Pejlin* [The Reactionary Mind: Conservatism from Edmund Burke to Sarah Palin]. M., Institut Gajdara, 2013. Pp. 7–26.

8. Robin K. *Reakcionnyj duh. Konservatizm ot Edmunda Berka do Sary Pejlin* [The Reactionary Mind: Conservatism from Edmund Burke to Sarah Palin]. M., Institut Gajdara, 2013. 312 p.
9. Semenenko I. S. *Tradiciya i innovaciya kak koncepty politicheskoy nauki i orientiry politiki razvitiya: di-alektika sovmestimosti* [Tradition and Innovation as Concepts of Political Science and Reference Points for Development Policy: The Dialectics of Compatibility] // *Polis. Politicheskie issledovaniya* – Polis. Political Studies. 2023. No. 5. Pp. 45–65. DOI: 10.17976/jpps/2023.05.04.
10. Holton Dzh. *Tematicheskij analiz nauki* [The Thematic Analysis of Science]. M., Progress, 1981. 384 p.
11. Álvarez Junco J. *Mater Dolorosa. La idea de España en el siglo XIX*. Madrid : Grupo Santillana de Ediciones, 2001. 684 p.
12. Cascón M. Menéndez y Pelayo y la tradición y los destinos de España. Available at: <https://www.filosofia.org/his/h1937cas.html> (date accessed: 23.02.2025).
13. Cevallos y Mier F. de. *La falsa filosofía, ó El ateísmo, deísmo, materialismo y demás nuevas Sectas convencidas del crimen de Estado contra a los Soberanos y sus regalías, contra los Magistrados y Potestades legítimas*. Madrid : La imprenta de Antonio de Sancha, 1774–1776. VII vols.
14. De los Ríos B. Menéndez y Pelayo, revelador de la conciencia nacional. Available at: [https:// filosofia.org/hem/193/acc/e13001.htm](https://filosofia.org/hem/193/acc/e13001.htm) (date accessed: 23.02.2025).
15. Diz J. La discusión sobre Menéndez y Pelayo. Available at: <https://www.filosofia.org/hem/dep/pce/ni01046.htm> (date accessed: 23.02.2025).
16. Forner J. P. *Reflexiones sobre el modo de escribir la historia de España*. Madrid : Imprenta de Burgo, 1816. 108 p.
17. Gomá y Tomás I. *Catolicismo y patriotismo*. La Plata : Talleres Gráficos de Olivieri y Domínguez, 1940. 72 p.
18. González Cuevas P. C. *Historia de las derechas españolas. De la Ilustración a nuestros días*. Madrid : Biblioteca Nueva, 2000. 525 p.
19. González Cuevas P. C. Las tradiciones ideológicas de la extrema derecha española // *Hispania*. 2001. No. 207 (LXI/1). Pp. 99–142.
20. Herrero J. *Los orígenes del pensamiento reaccionario español*. Madrid : Cuadernos para el Diálogo, 1973. 410 p.
21. Huntington S. P. Conservatism as an Ideology // *The American Political Science Review*. 1957. Vol. 51, No. 2. Pp. 454–473.
22. Jiménez-Landi Martínez A. *La Institución libre de enseñanza y su ambiente*. Madrid : Universidad Complutense, Ministerio de Educación y Cultura ; Barcelona : Universidad de Barcelona ; Ciudad Real : Universidad de Castilla-La Mancha, 1996. 4 vols.
23. Kirk R. *Edmund Burke: A Genius Reconsidered*. New Rochelle, N. Y. : Arlington House, 1967. 255 p.
24. Laverde Ruiz G. *El Tradicionalismo en España durante el siglo XVIII* // Menéndez y Pelayo M. *La ciencia española (polémicas, proyectos y bibliografía)*. Madrid : Tipografía de Archivos, Bibliotecas y Museos, 1915. Vol. III. Pp. 481–506.
25. León Correa F. J. *Ideología krausista y política: Gumersindo de Azcárate y el republicanismo leonés durante la Restauración canovista (1875–1898)* // *Tierras de León*. 1988. Vol. 28 (72). Pp. 40–55.
26. López-Morillas J. *El krausismo español: perfil de una aventura intelectual*. Madrid : Fondo de Cultura Económica, 1980. 214 p.
27. Manuel de la Revilla. *La filosofía española, 1876*. Available at: <https://www.filosofia.org/hem/dep/rco/0050111.htm> (date accessed: 23.02.2025).
28. Maeztu R. de. *Defensa de la Hispanidad*. Madrid : Gráfica Universal, 1934. 317 p.
29. Menéndez y Pelayo M. *Historia de los heterodoxos españoles*. Madrid : Imprenta de F. Maroto é Hijos, 1880–1881. 3 vols.
30. Menéndez y Pelayo M. *La ciencia española (polémicas, proyectos y bibliografía)*. Madrid : Tipografía de Archivos, Bibliotecas y Museos, 1915. Vol. I. 421 p.
31. Menéndez y Pelayo M. *La ciencia española (polémicas, proyectos y bibliografía)*. Buenos Aires : Emecé Editores, S. A., 1947. Vol. II. 364 p.
32. Prebisch R. *Capitalismo periférico: crisis y transformación*. México : Fondo de Cultura Económica, 1981. 344 p.
33. Saisset E. *Précurseurs et disciples de Descartes*. Paris : Librairie académique, 1862. 487 p.
34. Suárez Verdeguer F. *Conservadores, innovadores y renovadores en las postrimerías del Antiguo Régimen* // *Anales de la Fundación Francisco Elías de Tejada*. 2006. No. 12. Pp. 29–45.
35. Urigüen B. *Orígenes y evolución de la derecha española: el neo-catolicismo*. Madrid : Centro de estudios históricos, C. S. I. C., 1986. 637 p.

Поступила в редакцию: 04.03.2025

Принята к публикации: 11.11.2025